

The background of the book cover is a collage of graphic elements. It features several large, stylized red blood splatters of varying sizes and shapes. Two spent bullet casing are visible: one in the top left corner and another in the bottom right corner. A dark, cylindrical object, possibly a pen or a small container, lies horizontally across the middle of the cover. The overall color palette is dominated by red, yellow, and white, with black and grey accents from the bullets and the central object.

Александр Ермак

Генеральная уборка

Повесть об убойной домохозяйке

16+

Александр Ермак

Генеральная уборка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ермак А. Н.

Генеральная уборка / А. Н. Ермак — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Далеко не каждой домохозяйке удастся всего за один день пережить столько приключений: похищение и освобождение, обольщение и устрашение, перестрелки и погони на земле и в воздухе. Героиня с честью выходит из всех передряг: не покривив душой, не пострадав телом и не подпортив ожидания читателя о хорошем, веселом чтиве, в котором парадоксальное чувство юмора автора постоянно переворачивает ситуацию с ног на голову.

© Ермак А. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Цыганочка с выходом	5
Звезда автострады	12
Молоко, шоколад, шампанское	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Цыганочка с выходом

Анна глянула на дисплей зазвонившего телефона: номер ей был совершенно незнаком. Тем не менее, нажала кнопку и спокойно откликнулась:

– Ал-ле...

Никто не ответил. Анна повторила:

– Ал-ле...

И еще раз:

– Ал-ле...

Она явственно слышала чье-то дыхание. Кто-то прижимал трубку к щеке, но ничего не говорил в ответ. Анна пожала плечами и положила телефон на стол: может номером ошиблись, а может, связь плохая и тогда еще раз перезвонят, скажут, чего хотят. Всякое бывает.

Подождала пару минут, но телефон больше не беспокоил. Подумала вслух:

– Значит, просто ошиблись, – и снова вернулась к своим мыслям. Ей было о чем серьезно подумать.

Анна сидела на кухне. Как раз перед звонком налила себе кофе. Его аромат приятно щекотал ноздри. Она подняла чашку со стола, сделала глоток, и еще один, настраиваясь, собираясь. Ей предстояло решить, с чего начать генеральную уборку. Конечно, в доме и так было достаточно чисто – Анна каждый день подметала, вытирала, пылесосила. Но ведь делала это по-быстрому, на скорую руку, чтобы и с другими хлопотами успеть разобраться. Пора было уже пройтись по всей квартире с чувством, с толком, с расстановкой. Подняла глаза на потолок: наверняка, там завелись какие-нибудь паутинки. Глянула по стенам – заигравшиеся дети могли чем-нибудь брызнуть, схватиться неосторожно грязными ладошками. Опустила взгляд на пол – муж наверняка забыл вытереть ноги перед входной дверью и притащил с улицы на обуви какое-нибудь мазутное пятно или кусок жевательной резинки. Потом вспомнила про антресоли в прихожей: их следует срочно разобрать. Хотя этот сентябрь и был удивительно солнечным, теплым, все же зима уже не за горами. Нужно достать теплые вещи, коньки, клюшки детей и забросить на их место летние забавы: ролики, бадминтон, рыболовные удочки, футбольный и волейбольный мячи...

День для «расчистки завалов» был весьма подходящ. Муж ушел на работу. Причем, поцеловав Анну, извинился:

– Дорогая, сегодня задержусь – отчет готовим. Не скучай...

Она спокойно развела руками: работа есть работа. Чмокнула в ответ:

– Не беспокойся. Хорошего дня!

– И тебе... – задумался он, формулируя, – успешно справиться с генеральной уборкой!

Следом за мужем убежали в школу и дочка с сыном:

– Мам, пока!

– Мам, пока!

– Не забудьте пообедать!

– Не... будем!... – донеслось уже с лестничной клетки.

Еще с вечера договорились, что дети после школы пойдут к пенсионерирующей бабушке, которая живет в соседнем квартале, останутся у нее ночевать и появятся дома только завтра. Так что у Анны имелась в наличии масса времени, когда никто ее не будет отвлекать от важного дела. До возвращения мужа с работы она вполне может успеть и генеральную уборку закончить, и ужин приготовить.

Анна сделала еще глоток кофе и решила, что определенно начнет с антресолей. Решительно встала, но предпринять ничего не успела: новый звонок. Теперь уже в дверь. Вот этому-то Анна почти не удивилась: дети часто забывают что-нибудь дома и возвращаются с полдо-

роги. Еще и соседка, с которой они дружески общаются, вполне может зайти за солью или какой-нибудь другой хозяйственной мелочью. На всякий случай глянула в дверной глазок и увидела не мужа, не детей и не соседку. На Анну смотрело совершенно незнакомое лицо. Смуглая кожа. Под широкими темными бровями – черные глаза, глядящие прямо в глазок. Крупные, что-то говорящие губы. Анна повернула голову и прислушалась. Увы, сквозь толстую, крепкую, обитую кожей дверь ничего не услышала. Снова посмотрела в глазок на движущиеся губы, на черные глаза и... сама не понимая почему, открыла дверь.

За порогом стояла цыганка. Длинная пестрая юбка, цветастый платок на черных волосах, спадающих на плечи. С губ цыганки срывался шепот.

Анна снова прислушалась, чтобы разобрать, понять, что нужно этой внезапной гостье. Та, не останавливаясь, все продолжала и продолжала шевелить губами. Сначала Анне показалось, что цыганка говорит на своем непонятном языке или вообще выплевывает из себя ничего не значащие звуки. Но постепенно стала распознавать среди тарабарщины отдельные, хорошо знакомые слова: ...«золото», ... «серебро», ... «деньги»... Эти слова повторялись снова и снова:

– Золото... Серебро... Деньги... Золото... Серебро... Деньги...

Поняв, чего хочет от нее цыганка, Анна распахнула дверь шире, приглашая в дом. Гостья тихо проскользнула в прихожую, вошла в гостиную, остановилась посреди комнаты, осматриваясь. Ее взгляд пробежался по шкафам, серванту, трюмо с ящичками и шкатулками. Затем цыганка обернулась к догнавшей ее Анне. С губ гостьи слетали все те же неразборчивые звуки и три понятных слова:

– Золото... Серебро... Деньги... Золото... Серебро... Деньги...

Анна послушно кивнула и бросилась к трюмо. Достала из ящичка коробочку, в которой хранились небольшие золотые сережки с настоящими изумрудами. Это украшение досталось ей в наследство от матери, получившей его в свою очередь от своей матери. И Анна хотела подарить эти сережки дочери, когда той подойдет срок выйти замуж. Но теперь, не задумываясь, вытряхнула дорогие украшения на столик трюмо. Из шкатулочек выскребла несколько золотых и серебряных колечек, цепочек, брошек, браслетов. Достала ожерелье из настоящего крупного жемчуга с вставками желтого благородного металла – подарок мужа на десятилетие совместной жизни. Потом задумалась и сняла с безымянного пальца обручальное кольцо. Еще сбегала в детскую и принесла серебряное колечко, которое презентовала дочке на последний день рождения.

Снова задумалась и покачала головой:

– Больше в доме нет ни золота, ни серебра. – Посмотрела на продолжающую шевелить губами цыганку и всплеснула руками: – Деньги!

Они с мужем как раз решили купить новую стиральную машину, так что в шкафу под постельным бельем лежала приличная сумма. Анна выгребла купюры и аккуратно сложила их на трюмо рядом с золотом и серебром. Потом полезла в кошелек – вынула из него все до копеечки:

– Больше ничего нет.

Цыганка кивнула и сделала было шаг к трюмо. Но остановилась, услышав шум в прихожей: скрип двери, говор, топот. Через мгновение в гостиную ворвались трое рослых мужчин. Один из них – постарше – был в гражданском костюме, двое – помоложе – в форме и автоматами на плечах:

– Руки вверх! Полиция!

Анна послушно подняла руки. Гостья же не последовала ее примеру. Цыганка обвела ворвавшихся презрительным взглядом и снова громко зашептала. На этот раз с ее губ слетали какие-то другие слова. Анна не понимала их, но ворвавшимся, видимо, был ясен их смысл. Полицейские сначала замерли на месте, затем переглянулись и принялись шарить у себя по карманам, выкладывать на трюмо рядом с ценностями Анны свои деньги, ключи от машин,

презервативы и даже служебные удостоверения. Потом стражи порядка даже вывернули карманы, показывая, что у них больше ничего нет.

Анне показалось, что на губах у цыганки появилось что-то вроде улыбки. Незваная гостья, продолжая что-то неразборчиво шептать, начала ритмично прихлопывать в ладони: раз, два, три..., раз, два, три...

Полицейские снова переглянулись. Тот, что постарше, расстегнул все пуговицы своего гражданского пиджака, плюнул на ладони, провел по редким светлым волосам и, резко присев, пошел вприсядку. Танцором он оказался никудышным, однако, очень старательно и с большим желанием выкидывал вперед то левую ногу, то правую, сотрясал своим приличным, рвущимся из-за брючного ремня животом. Двое с автоматами подбадривали, хлопая в ладоши вслед за цыганкой и нестройно напевая:

– «Барыня, барыня, сударыня-барыня!..»

Полицейский в гражданском и возрасте быстро запыхался и, когда не смог в очередной раз выбросить вперед ногу, схватился за колыхающийся живот и выпрямился:

– Не могу больше! Хоть убейте – не могу...

Переводя дыхание, он достал из кармана платок и принялся утирать пот со лба. Цыганка тем временем посмотрела на полицейского в форме и со звездочками на погонах. Тот, как будто получив приказ, отдал автомат товарищу без звездочек, но с полосками, подкрутил усики, зыркнул на Анну зеленым глазом и, широко раскинув руки, пустился в матросский танец. Видно было, что исполняет он его не впервые. Выходило у него и ладно, и складно, и дыхания хватало даже, чтобы подпевать себе в танце:

– «Эх, яблочко,

Куда ж ты котишься?

В КПЗ попадешь:

Не воротишься!..»

Нетанцующие полицейские подтверждающее повторили неутешительный напев:

– «В КПЗ попадешь: не воротишься!..»

Затем второй полицейский в форме и с полосками на погонах не удержался, отдал автоматы старшему товарищу в гражданском, и тоже принялся притопывать и махать руками, изображая что-то вроде лезгинки.

Цыганка, откровенно улыбаясь, наблюдала за парочкой бравых танцоров. Улыбался и уже отдышавшийся полицейский в гражданском. Заметив это, цыганка нахмурилась и резко ударила в ладони. Тот, что в гражданском, тут же сложил автоматы в углу комнаты и замер на месте, вытянувшись в струнку. Второй полицейский – с усиками и звездочками – положил руки на плечи первому, третий – с полосками и юношеским пушком на щеках – на плечи второму. Выстроившиеся таким образом друг за другом полицейские замерли, будто ожидая следующей команды. И она последовала. Цыганка начала отбивать ладонями новый ритм, и троица послушно задвигала в такт ногами, сгибая их в коленях, выбрасывая то вверх, то в сторону. Полицейские зажигательно танцевали то ли летку-енку, то ли ламбаду, прыгая и в сторону, и назад, но все больше вперед, в сторону выхода из квартиры:

– Пам-пам-пара-пам-пам!...

Служивая троица радостно улыбалась. Глаза стражей порядка наполнились удовлетворением и весельем. Глядя на танцующих гостей, Анна почувствовала непреодолимое желание присоединиться к ним: положить руки на плечи третьего полицейского и начать также задорно выкидывать ноги вверх, потом в сторону, и прыгать, прыгать, прыгать:

– Пам-пам-пара-пам-пам!...

Она уже сделала было шаг в сторону веселеньких мужчин, но услышала голос цыганки. Та приказала:

– Возьми чистый платок и сложи все в него!

Анна без каких-либо раздумий тут же метнулась к шкафу, но достать из него ничего не успела. Ее привел в чувство громкий смех. Хохотали все трое полицейских. В один голос. Остановившись на выходе из комнаты, отпустив друг друга и загородив собой выход из комнаты, они вытирали смешные слезы.

Тот, что был постарше и в гражданском, нахохотавшись, снисходительно посмотрел на цыганку:

– Эй, ты – Рада, Магдалина, Птифура, Аделина Вестпонтитская и как там тебя еще... Думаешь, купились на твои фокусы? Видали мы вашего брата и сестер за годы нашей опасной и трудной службы. Руки давай! – кивнул полицейскому с полосками на погонах: – Работай.

Самый молодой из троицы тут же снял с пояса наручники и защелкнул их на запястьях цыганки. Гостья подставила руки послушно, хотя из глаз ее, казалось, рвались линейные и шаровые молнии, а с губ летело теперь одно лишь неразборчивое змеиное шипение. «Ругается», – поняла Анна.

Она продолжала приходить в себя. Ужаснулась, увидев на трюмо все семейные украшения и сбережения. Растерянно обвела глазами полицейских:

– Чуть сама все не отдала. Свое, мужа, дочки...

Двое в форме забрали с трюмо свои деньги, ключи от машин, презервативы и документы. Тот, что был в гражданском, кивнул:

– Да, случается такое. Вы – не первая и не вторая, и даже не девятая: семнадцатое подобное ограбление за одну только неделю. И никак не удавалось накрыть нам эту Радку, Магдалину, Птифуру, Аделину Вестпонтитскую и как там ее еще. Всегда успевала исчезнуть до нашего появления. А пострадавшие и свидетели не могли ничего толком объяснить, описать мошенницу, дескать, она будто бы гипноз использует, заговаривает всех: забирает ценности, узнает телефоны и адреса знакомых, живущих в достатке. Но нас заговоры не берут. И вот, видите, вам повезло – мы эту чертовку, наконец, выследили. Вели ее по улице и возле дома, видели, что звонила куда-то, что зашла в вашу квартиру. Так что взяли теперь, как положено, налично и с поличным. Далее пригласим опытного врача-гипнотизера и под его наблюдением проведем очные ставки мошенницы со всеми теми, кого она успела обчистить. Надо сказать, немало она денег и драгоценностей у людей выгребла. Надеюсь, сбыть не успела и вернет все порядочным гражданам обратно в шкапулки, шкафы и домашние сейфы...

Цыганка злобно глянула на говорящего и снова зашевелила губами. Полицейский на это безгловно поморщился:

– Не шипи и не плюйся, а то добавишь себе срок: расценим как нападение на лиц, исполняющих свой профессиональный долг. – Потом снова обратился к Анне: – Вам нужно будет пройти, вернее, проехать с нами в отделение. Там мы составим полагающийся в таком деле протокол. Надеюсь, вы можете уделить нам полчаса. Свободны сейчас? Какие у вас были планы на сегодня?

Анна задумчиво пожала плечами:

– Свободна... Какие планы? В планах была генеральная уборка. Тем более теперь, после гостей, столько новой грязи в доме прибавилось...

Полицейский в гражданском улыбнулся:

– Верно мыслите: чистота – залог здоровья гражданского общества. Вот проследуете с нами и тем самым поможете почистить город. – Глянул на коллег в форме и вздохнул: – Правда мы сегодня всего лишь очередную мелочь поймали, пылинку, так сказать, смели со стола честных горожан. А надо бы провести генеральную уборку всей жилой территории. Столько вокруг развелось мошенников, сутенеров, наркоторговцев...

– Да, – согласился усатенький полицейский в форме и звездочками на погонах. – Кокаинчика бы, спрута-монополиста, прищучить. И еще Вентиля.

Второй полицейский в форме тоже подал голос:

– А Борща? Тот вообще обнаглел. Агенты доносят, что под видом ресторана обустроил себе мощную нарколабораторию и даже пыточную по высшему разряду, чтобы конкурентов на свою сторону перепытывать.

– Так арестуйте их, – не поняла Анна.

Тот, что в гражданской форме, вздохнул:

– Не все так просто. У преступного мира, к сожалению, своя разведка налажена. Кто-то в наших родных правоохранительных органах на бандитов работает. Проводим одно оперативное действие за другим, а взять крупную рыбу не можем – успевают смыться, кто-то их предупреждает. Мы добиваемся, добиваемся ордера на обыск, на арест, а ничего, никого не находим. Все наши труды, все засады, бессонные ночи, слезки идут пьяному коту под хвост!

Усатенький полицейский тряхнул головой:

– Взять бы ту сволочь, которая на преступный мир работает!

Молоденький добавил:

– Взять бы да подвесить за самое не могу на турнике во дворе. Чтобы все видели, как обращаются с преступниками честные добрые люди!

– Ага, – поддержал тему усатенький, – хоть самосуд в такой ситуации устраивай. Так бы взял да и спалил напалмом логово Борща, и с остальными бандитами расправился по понятиям, без суда и следствия.

– Нет, ребята, – снова взял слово самый старший. – Все должно быть по закону. Так-то, конечно, мы и эту цыганку могли бы просто... – Вопросительно посмотрел на Анну: – Какой там был у вас этаж?

– Двенадцатый.

Прикинул что-то и кивнул:

– Подходяще. Так вот, мы могли бы ее просто с балкона сбросить: дескать, сорвалась при попытке к бегству.

У цыганки от этих слов расширились и без того широкие черные глаза.

– И никаких потерь времени, формальностей и, главное, рецидивов: она уже никогда бы не смогла снова заняться своим подлым делом и наносить вред людям. А так ведь она отсидит причитающееся и потом снова возьмется за криминальное ремесло. Но мы должны, – он вздохнул, – мы будем следовать закону, и поэтому сейчас все вместе, дружно, поедem в отделение для составления фиксирующего преступление протокола. – Почему-то прошелся взглядом по Анне: – Вы готовы?

Та кивнула:

– Да, конечно.

Полицейский продолжал пристально глядеть на нее:

– Вы уверены?

– Да, – не понимая странного взгляда, подтвердила Анна.

Страж порядка пожал плечами и отвел пристальные глаза:

– Ну что ж, тогда идемте.

Цыганку вывели из квартиры. Следом за всеми вышла и Анна. Как была – в синем махровом халате и красных тапочках с пушистыми белыми помпончиками.

Анна со старшим полицейским спустились в пассажирском лифте. Мошенницу увезли в грузовом.

У подъезда стояла полицейская машина с полосой в тон халату Анны. Цыганку усадили в заднюю зарешеченную часть. Анну – в салон, как обычного пассажира.

В местном отделении полиции они сначала все вместе прошли через несколько путаных коридоров. Потом два полицейских – те, что в форме и с автоматами, – увели куда-то цыганку. Третий – в гражданской одежде – указал Анне на деревянную, отполированную многочисленными сидельцами лавку:

– Присядьте, пожалуйста, здесь. Я подготовлю бумаги и позову вас подписать. Не волнуйтесь: оформим все быстро, и вы скоро вернетесь домой. Доставим на нашей машине с ветерком и проблесковым маячком... – Улыбнулся: – Генеральная уборка не сорвется.

Анна посмотрела на лавку. На ней, облокотившись на подлокотник, полусидела-полулежала девушка в кожаных брюках, куртке и сапогах. Как и Анна, она была брюнеткой, имела карие глаза, средние рост, полноту, грудь. Чем-то они походили друг на друга. Разве что Анна была чуть старше и одета по домашнему «а ля кэжуал».

Глаза девушки были закрыты.

– А..? – не знала, что сказать Анна, глядя на предполагаемую соседку по лавке.

Полицейский поморщился и махнул рукой:

– Наркоманка. Должно быть, под кайфом. Не бойтесь ее – не буйная...

Сказав это, страж порядка скрылся за одной из выходящих в коридор дверей. Анна, с опаской глянув на соседку, вздохнула и все же присела на самый краешек лавки. Подумав, что надо бы сообщить ничего не подозревающему мужу о том, что угодила в полицию, полезла в карман халата. Телефона в нем не оказалась. Он так и остался лежать на столе в кухне...

Спокойно с соседкой по скамейке они просуществовали лишь несколько секунд. Девушку вдруг стало трясти. Она села, обхватила себя руками и открыла глаза. Ее взгляд заметался по коридору, двери, Анне. Казалось, девушка хочет овладеть собой, но это ей никак не удавалось. Наркоманку колотило все сильнее и сильнее. Она вдруг грозно посмотрела на Анну:

– Давай быстрее!

– Что? – не поняла Анна.

В глазах девушки мелькнула ярость:

– Что-что, как обычно! Давай!

– Что как обычно? Что давать? – не могла взять в толк Анна.

Наркоманка просто прожигала ее лазерным взглядом:

– Забыла, что ли?

Анну от такого взгляда чуть саму не затрясло:

– Да я никогда и не знала.

Соседка медленно притушила взгляд, потом закрыла глаза, поморщилась:

– Черт! Черт! Черт! Это не ты! – снова распахнула ресницы, завертела головой. – А где ты? Где же ты? Где ты? Где ты?!

Потом она выругалась очень грубо. И еще раз еще грубее. Не найдя рядом того, кого искала, умоляюще посмотрела на Анну:

– У тебя точно нет?

Теперь Анна уже поняла, о чем идет речь. Покачала головой:

– Точно нет. Я наркотиками не балуюсь. Так только, в праздник могу рюмочку сладкой наливки выпить и бокальчик шампусика пропустить.

Девушка снова грязно выругалась по поводу одного из процессов, свойственных человеческому организму. Потом замерла и после секундной паузы принялась лихорадочно шарить у себя по карманам. Вытряхнув на скамейку какие-то бумажки, денежную мелочь и не найдя искомого, снова обхватила себя руками, пытаясь сдержать, унять дрожь.

"Как ее, однако..." – пожалела мысленно девушку Анна. А та вдруг просияла и, быстро зыркнув по сторонам, расстегнула брюки, сунула руку за zipper. Когда вытащила обратно, то Анна увидела на ладони девушки маленький блестящий бумажный пакетик.

Соседка вытряхнула его содержимое в рот, облизнула бумажку и тут же блаженно закрыла глаза. Сначала у нее отключилась шея, и голова склонилась на грудь. Потом расслабилась спина – девушка стала медленно сползать со скамьи на бетонный пол.

Анна подхватила наркоманку, попыталась снова усадить, но та вновь и вновь соскальзывала. Тогда уложила соседку на скамью, опустив ее голову на свои колени. Удивилась: волосы у

наркоши были чистые, пахли очень приятно. Кожаные брюки и куртка новые, дорогие. На лацкане увидела золотую булавку с настоящим бриллиантом на конце. Анна вздохнула, вспомнив, как чуть не лишилась всех своих украшений и наличных денег из-за гипнотической мошенницы. Глянула в сторону двери, в которую зашел полицейский – скоро ли ее отпустят. Если дело затянется, то времени на настоящую генеральную уборку может и не хватить. Анне же так хотелось навести к возвращению мужа и детей в доме полный порядок: чтоб все блестело-сверкало и не вызывало раздражения у нее, как настоящей хозяйки.

Девушка вдруг открыла глаза, улыбнулась и четко произнесла:

– Ты добрая, хорошая... Ты, как мама... Я ее помню. Она была такая... такая... как мама... А отец, он ее... И она не смогла, не выдержала... – Встрепенулась: – Знаешь, и мне совсем немного осталось. Думаешь, мне это нравится? Я просто забиваю боль. Уже завтра, а, может, даже и сегодня, отдам концы. – Потянулась рукой к груди, вытянула из кожи куртки булавку и воткнула ее в лацкан синего халата: – Дарю...

Анна ничего не успела сказать в ответ: глаза девушки закатились, губы застыли в блаженной улыбке, тело обмякло окончательно. На шее девушки быстро-быстро билась голубая жилка. Но потом ритм стал замедляться.

Глядя на то, как кровь в теле девушки пульсирует все медленнее и медленнее, Анна пыталась понять: соседка по скамье просто отключилась на время или правда умирает. Прямо на руках постороннего человека. Анна снова глянула в сторону двери, за которой скрылся полицейский: может, нужно вызвать врача?

Она ничего не успела решить. Через мгновение все внимание Анны было поглощено другим. В конце коридора послышался какой-то грохот, потом оттуда повалил серый дым. Им быстро заволокло все вокруг.

Анна не знала, что делать. Она не могла убежать, бросить бесчувственную девушку в начавшемся, судя по всему, пожаре. Но и тащить на себе бесчувственное тело ей было едва ли по силам. К тому же в плотном дыму все двери, стены можно было найти теперь только на ощупь.

Огня-пламени она не замечала, но дым продолжал уплотняться. Анне стало страшно. Прежде она никогда не попадала в пожар, в такое задымление и, разумеется, противогаза с собой не имела. Подумала, что погибнет здесь, сидя вместе с этой несчастной конченной наркоманкой.

Анна закашляла и стала слабеть. Сознание покидало от нее. Она по-прежнему держала голову девушки на коленях, но уже сама, мысленно прощаясь с детьми и мужем, начала сползать со скамьи. Но упасть на пол Анна не успела. Неожиданно кто-то подхватил ее. Снова крепко усадил на скамью. Анна увидела перед собой лицо. Сначала подумала, что уже окончательно вырубилась, что это бред, что ей привиделось, потому что на лице склонившегося над ней человека был только один очень большой глаз. Однако остатки сознания подсказали, что это защитная маска. Человек был одет так, чтобы пробираться сквозь дым. Чтобы спасти людей. Чтобы вытащить всех попавших в ловушку пожара.

Спаситель наклонился над Анной и чуть ли не провел своей маской по ее лицу, почти уткнулся в прикрытую халатом грудь. Он как бы осматривал жертву пожара. Анне показалось, что спаситель пытается определить, живая ли она, нужно ли ее выносить из задымленного помещения. Из последних сил тряхнула головой, давая понять, что еще не погибла, и указывая одновременно на девушку, лежащую рядом.

Человек в маске понятиливо кивнул и подхватил Анну на руки. Голова наркоманки при этом соскользнула с коленей соседки и гулко ударилась о лавку. Но девушка от этого не пришла в себя. Спаситель же не обратил на нее никакого внимания. Он быстро уносил Анну куда-то в дым.

Звезда автострады

Она была совсем без сил, но в сознании. Слышала какие-то голоса, вскрики, хлопанье дверей, странное шипение. Видела же только дым. Плотный, все скрывающий дым.

Человек в маске недолго плутал по коридорам. После очередного поворота чуть пригнулся и вынес спасенную из утонувшего в дымном мраке помещения прямо через разбитое окно. На свежем воздухе Анна начала отдыхиваться, откашливаться, из ее раздраженных дымом глаз полились слезы. Они размыли все видимое вокруг. Анна и теперь ничего не могла различить рядом с собой. Поэтому закрыла глаза, чтобы успокоить их и заодно отдышаться, набраться сил, чтобы самостоятельно встать на ноги.

Когда Анна окончательно пришла в себя, то оказалось, что спаситель уже не несет ее на руках. Она сидит перед ним на мотоцикле, который с бешеной скоростью рванул с места и помчался по улице, лавируя между движущимися автомобилями. Подумала: «Наверное, везет меня в больницу. К терапевту? К офтальмологу? Только бы не к гинекологу!..»

Анна задрала голову, чтобы увидеть лицо спасителя и сказать, что ей вообще не нужно к врачам, что она в порядке, что лучше сразу отвезти ее домой, где ждет генеральная уборка и недопитый кофе.

Увидев лицо своего спасителя, Анна растерялась. Теперь этот человек был без маски. Она поразилась тому, какие у него бездонные голубые глаза. Казалось, нырни в них и вынырнешь уже где-нибудь на знойном пляже Копакабаны.

А еще она заметила, как сумасшедше красиво это гладко выбритое лицо спасителя. Ее воодушевлял его гордый нос с горбинкой. А грива светлых кудрявых волос просто привела Анну в восторг. Она уже видела этого человека раньше. Давным-давно. Давным-давно...

Когда Анна училась в средних-старших классах школы, то вся ее комната была обклеена плакатами с портретами рок-музыкантов. Между ними красовался календарь с огромной фотографией, на которой был запечатлен мотоциклист. Он имел точно такие же голубые глаза, гордый нос с горбинкой и развевающиеся на ветру светлые кудрявые волосы...

Анна так засмотрелась на своего спасителя, что забыла о том, что же хотела ему сказать. Он же, заметив ее взгляд, улыбнулся, сверкнув ровными как на подбор белоснежными зубами:

– Пришла в себя? Извини, что пришлось напустить столько дыму. Но иначе вызволить тебя не получилось бы – там же полно полицейских. И ждать было нельзя. Когда подъезжал к отделению, то видел рядом машину Борща. Его люди могли добраться до тебя первыми...

Анна не понимала, о чем говорит спаситель, и по-прежнему не могла оторвать от него взгляда. Увидев в ее глазах напряжение, укротитель мотоцикла поспешил успокоить:

– Меня зовут Герман. Не волнуйся: я здесь по просьбе твоего друга. Он узнал, что ты попала в лапы полиции, и попросил меня об услуге. Я наслышан о тебе и очень рад, что могу услужить. Скоро, совсем скоро ты будешь в полной безопасности.

Конечно, такой ответ только еще больше запутал Анну. Какой друг мог послать за ней? Почему ее нужно было вызволять из полиции? Ведь именно там она, казалось бы, и была в полной безопасности...

Но Анна ни о чем не спросила Германа. У нее заболела и стала неметь шея. Так что снова повернула голову и посмотрела на дорогу прямо перед собой. Посмотрела и ужаснулась. Ей нравился гонщик с фотографии на календаре, но она никогда прежде не ездила на мотоцикле. Когда была не замужем, то отказывала парням, приглашавшим покататься. Очень ненадежной казалось ей эта конструкция, управляемая безбашенными юнцами, которые то и дело ломали свои конечности и потом подолгу ходили, а то и лежали в гипсе. На деле Анны хватало только на то, чтобы сфотографироваться в седле стоящего на подножке мотоцикла. А тут...

Они вырулили с обычной городской улицы и теперь мчались по шоссе с бешеной скоростью, легко обгоняли автомобили. Анна то и дело зажмуривалась, ожидая, что мотоцикл врежется в легковушку или грузовик: «Вот сейчас!.. Или сейчас!» Но каким-то чудом они с Германом проскакивали в узкие щели между автомобилями, уворачивались от маленьких и громадных бамперов, прицепов, платформ. Остающиеся за спиной машины сигналили, мигали фарами, но ее спаситель не обращал на это никакого внимания и гнал, гнал мотоцикл куда-то вперед.

Анна снова повернула голову, чтобы все-таки обратиться к Герману, но тот и в этот раз опередил ее вопросы:

– Знаю, ты обожаешь мотоциклы. Никому не доверяю свой пламенный мотор, но тебе – легко! Так и быть, держи!

Он положил ее левую руку на левую же рукоятку руля. Затем правую руку – на правую рукоятку. А потом убрал свои руки с руля и приобнял Анну за талию:

– Давай дальше сама! Наслаждайся!

Анна ужаснулась еще больше. На нее серым асфальтом неслась дорога. Движущиеся рядом автомобили по-прежнему быстро оставались позади. Ревел мотор мотоцикла. В лицо бил ветер. Глаза от него слезились. Дыхание в груди перехватывало. Все это было ужасно... ужасно приятно. В ушах Анны зазвучала песня «Звезда автострады».

Она вспомнила ее. Часто слушала эту песню, глядя и на ее исполнителей с плакатов в своей комнате, и на того мотоциклиста с фотографии на календаре. Да, она мечтала, представляла, как мчится с ним по автостраде.

Потом, когда съехала от родителей, рок отошел в сторону. Но сейчас у нее в ушах снова звенела, рычала, рвала сердечную мышцу именно «Звезда автострады». Сладкая дрожь пробежала по телу Анны. Как же она могла забыть, что существует такая песня. Отчего она не знала, что под нее можно на самом деле так безумно мчаться по шоссе!

Опьянев от скорости, Анна не сразу заметила, что автомобили перестали сигналить клаксонами и фарами. Скосив глаза, увидела, что водители во все глаза пялятся на нее. Подумала: «Наверное, редко какая девушка умеет водить мотоцикл так, как я». Но, опустив глаза, поняла действительную причину своей популярности на широкой дороге. Полы ее халата развевались в мощном встречном потоке воздуха, открывая бедра по самые изрядно ношенные, желтые трусы. Синий халат расстегнулся и на груди, демонстрируя всем окружающим неказистый бежевый бюстгальтер для домашнего ношения. Только завязанный пояс не позволял халату слететь с плеч.

Анна, не раздумывая, бросила руль, чтобы запахнуть, застегнуться. И тут же услышала, как спаситель прокричал ей в ухо:

– Мне говорили, что ты очень крутая! Но что б настолько! Ехать на такой скорости без рук! Так даже я не пробовал!

Она продолжила бороться с пуговицами, а спаситель тем временем даже и не думал вмешиваться в ее "управление". Необузданный, свободный как мустанг, мотоцикл по собственной воле мчался прямо, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Водители автомобилей некоторое время продолжали с интересом следить за борьбой Анны с халатом. Потом вдруг резко отстали.

Ей, наконец, удалось запахнуть грудь, заколоть самый верх халата пригодившейся золотой наркоманской булавкой. Анна облегченно вздохнула и глянула перед собой. Увидела и осознала, что мотоцикл едет сам по себе, что никто им не управляет. Но толком ужаснуться этому обстоятельству не успела, потому что разглядела впереди поворот дороги. Все машины сбрасывали скорость перед ним. Только мотоцикл мчался все так же быстро. Он как птица летел прямо в этот поворот. В разделительную бетонную стену. Прерывистая линия разметки плавно поворачивала вправо. Мотоцикл же, пересекая ее, продолжал мчаться прямо.

Анна не знала, что делать. Однако спаситель все-таки следил за дорогой и, в конце концов, у него, видимо, не выдержали нервы. Герман снова положил свои руки на руль, сбавил газ и, плавно поворачивая руль вправо, повторил:

– Ты очень крутая!

И добавил:

– Правда, очень крутая!

Никто и никогда не говорил ей таких слов. Она всегда была послушной дочкой, женой – девочкой, женщиной, с которой рядом находится сильный мужчина. Анна просто не могла без него, потому что, когда кто-то проявлял в отношении нее какую-то грубость, насилие, то не могла защитить себя, впадала в полный ступор.

Сначала ее сильным мужчиной был папа. В детском саду она грозила хулиганистым мальчишкам: «Все папе скажу!», и это действовало – ее оставляли в покое. В школе пришлось пожаловаться отцу на самом деле. Как-то шла домой уже старшеклассницей, и к ней подошел пацан из соседнего двора. Положил руку на ее вымахавшую грудь и одобрительно кивнул: «Ого какая! Потянет!» Анна так и обмерла, не зная, что делать, как себя вести. После того же, как пацан, усмехнувшись, отвалил прочь, просто заревела. Потом пришла домой и рассказала о случившемся отцу. Тот тут же пошел к родителям пацана и после непродолжительной профилактической беседы сломал руку папаше хулигана. Что тот после этого сделал со своим сыном-любителем девичьих грудей – неизвестно, но мальчишки в школе и во дворе с тех пор от Анны просто шарахались. Даже те, которые ей нравились.

Когда поступила в колледж, то скрывала эту историю, чтобы не отпугнуть от себя ухажеров. В конце концов, один из них, похожий на сибирского медведя – метр восемьдесят пять на 90 килограмм – стал ее мужем и тем самым сильным мужчиной, который всегда рядом. Да, Анна привыкла быть слабой. Но как теперь оказалось, ей так приятно было услышать: «Ты – очень крутая!...»

Мотоцикл спокойно вошел в поворот, миновал его и вновь продолжил движение по прямой. Анна задышала спокойнее и хотела, было, наконец, объясниться с Германом, но тут ее отвлек появившийся слева длинный черный лимузин. Анна разглядывала его хоть и с любопытным восхищением, но без вожделения. Она ни за что не променяла бы мотоцикл с Германом на эту дорогую шикарную машину. По крайней мере, в данный момент Анна думала именно так.

Она заметила, что боковое стекло в задней части лимузина началось опускаться. За окном показалось смуглое лицо мужчины. Он принялся пристально, хотя одновременно как бы с ленцой, рассматривать и мотоцикл, и Германа, и Анну. Потом смуглый отвернулся и что-то сказал внутри лимузина. Через мгновение у глаз мужчины появился бинокль.

Анне показалось, что пялится этот пассажир лимузина больше всего не на мотоцикл и не на Германа, а на нее, и даже именно на ее грудь четвертого размера. Вспомнила про свой неказистый бежевый бюстгальтер для домашнего ношения и опустила глаза, чтобы глянуть, не распахнулся ли опять халат. Но нет, все у нее с одеждой было в порядке: благодаря золотой булавке и затянутому в полную силу поясу, пуговицы держали. Ноги, конечно, были оголены встречным потоком воздуха, но в рамках приличия.

Анна снова глянула на смуглого пассажира лимузина. Тот как бы сам себе удовлетворенно кивнул и еще раз сказал что-то внутрь. Лимузин подал вправо и сблизился с мотоциклом. Смуглый показал жестом Герману, чтобы тот свернул и остановился у обочины. Герман в ответ продемонстрировал пассажиру лимузина неприличный палец. Анна не понимала, что происходит, но вполне доверяла своему спасителю. Подозревала, что Герман знал, что делает, так нагло возражая и демонстрируя.

Смуглый пассажир покачал головой и вновь что-то сказал внутрь автомобиля. Окно медленно закрылось. Лимузин отстал.

Анна обрадовалась, что их оставили в покое, и она, наконец, сможет сказать все, что хотела, Герману. Однако через несколько секунд на месте лимузина появился другой автомобиль – более короткий и более мощный. Герман притормозил, чтобы тот ушел вперед, но и новый сосед по автостраде сбросил ход. Спаситель прибавил газу, и автомобиль также устремился вперед, стараясь держаться вровень с мотоциклом.

Потом справа от них появился еще один точно такой же сосед – короткий и мощный. Как будто сговорившись, оба сопровождающих стали сближаться, зажимать мотоцикл между собой. Когда до каждого из них было уже рукой подать, автомобили синхронно стали подворачивать к обочине, сбавляя при этом скорость. Анна догадалась, что это попытка остановить мотоцикл. Хотя она не знала, что будет плохого в том, что они остановятся, но ей не очень хотелось объясняться с этими дорожными хулиганами.

Герман, поняв, чего добиваются взявшие его в клещи автомобили, еще добавил газа и оторвался от преследователей. Но недолго. Мощные автомобили быстро догнали мотоцикл. Теперь они ехали рядом, не сближаясь. Анна понимала, что просто таким вот эскортом не обойдется. Что-то произойдет еще. И она не ошиблась. Одна из машин чуть отодвинулась и пропустила вперед небольшой грузовичок, который тут же занял дорожный ряд перед мотоциклом. Анна подумала, что, наверное, нужно сбавить скорость и как-то уйти назад от окруживших их автомобилей. Она смотрела то налево, то направо, то перед собой и не понимала, почему Герман не сбавляет скорость. Только когда заглянула в зеркало заднего вида, выяснила, в чем дело: всего в десятке метров за ними ехал огромный самосвал. Мотоцикл оказался запертым в «коробочке».

Снова глянув перед собой, Анна заметила, что у маленького грузовичка открывается задний борт. Затем из кузова опустился трап, который достал до самого асфальта. На неровностях металл чиркал по поверхности дороги и из-под него вылетали снопы белых и желтых искр.

В правом автомобиле открылось окно водителя и тот, махнув рукой, показал Герману, чтобы тот по трапу заезжал в кузов. Однако мотоцикл не сближался с грузовичком. Водитель правого автомобиля снова, уже более настойчиво помахал рукой. Но и теперь Герман не стал заезжать в кузов грузовичка, а снова нагло продемонстрировал. Тогда из окна левого автомобиля вежливо помахали стволом какого-то оружия.

Надо было что-то делать. Герман и Анна отчаянно вертели головами. Все окружающие их автомобили были так близко, что проскочить между ними не было никакой возможности. И все-таки Герман не торопился въезжать в кузов. Анна понимала, что он ищет выход из положения. Ищет, но не находит.

Вдруг мотоцикл качнулся. Герман легким движением руля выровнял его. Анна глянула в зеркало заднего вида и поняла: огромный самосвал подталкивает их. Водитель идущей сзади машины, видя, что мотоцикл не подчиняется, решил просто запихать его в кузов маленького грузовичка. Или раздавить.

Анна повернула голову и посмотрела на Германа. Тот только усмехнулся:

– Держись крепче за руль, Матильда!

«Почему "Матильда"»? – не поняла Анна. – Может, в таких ситуациях именно так и говорят: "Держись крепче за руль, "Матильда"!». Хотела уточнить у Германа, но тот вдруг пригнул ее своим телом к корпусу железного коня и резко крутанул ручку газа. Мотоцикл ракетой рванул вперед, впорхнул по трапу в кузов грузовичка, но не остановился там. Герман резко подал руль на себя и, качнув свое мощное, упругое тело вниз-вверх, поднял послушного железного коня в воздух. Подобрал «копыта», тот перелетел через маленький бортик кузова грузовичка, прокатился задним колесом по кабине и сорвался в пустое пространство.

Это был настоящий полет, не сравнимый ни с самолетным, ни с лунапарковым. У Анны перехватило дыхание. Она все видела, как в замедленной съемке кино. Вот под ними кузов грузовичка, вот кабина, а вот приближается дорога. Медленно-медленно.

Анна успела рассмотреть не только черноту покрытия асфальта, но даже и отдельные его зерна, скрепленные битумом. Они становились все ближе, ближе и ближе. Потом был сильный удар. Анна должна была бы удариться головой о бензобак или руль, но лишь уткнулась лицом в вовремя подставленную руку Германа.

Мотоцикл приземлился на асфальт обоими колесами. Его повело в сторону, но мгновенно среагировавший спаситель легко выровнял его. Они снова мчались по свободному шоссе. Теперь скорость их была настолько велика, что попутные машины проскакивали мимо как встречные. Но Анна уже почти не волновалась. Свободно вдохнула и выдохнула. Потом повернулась, чтобы выразить Герману свое восхищение. Тот понял выражение ее лица по-своему и выдохнул в ухо:

– Немного осталось. Нам бы только дотянуть до перекрестка!

Наверное, их преследователи тоже знали, что беглецы могут вскоре уйти. Не прошло и минуты, как их догнали все те же две мощные легковые машины. Встали рядом. В обоих открылись окна. Из правой машины снова помахали рукой, приглашая свернуть на обочину и остановиться. Герман отрицательно покачал головой. Из окна левого автомобиля показался уже знакомый ствол. Заметив его, спаситель снова пригнул Анну к корпусу мотоцикла. Она поняла, что он прикрывает ее своим мощным телом.

Выглядывая из-под руки Германа, увидела, что ствол дрогнул, из него выскочил и тут же развеялся дымок. Что-то белое промелькнуло перед глазами, не попав ни в Анну, ни в Германа. Зато, попало, похоже, туда, куда нападавшие совершенно не планировали попасть. Когда Анна повернула голову вправо, то увидела, что водитель второго, идущего с этой стороны автомобиля, показывает кулак. И очевидно, не мчащимся на мотоцикле. Анна поняла, что стрелок из первого автомобиля попал внутрь второго. Но, судя по реакции водителя правого автомобиля, жизнь его была вне опасности.

Второй выстрел из левого автомобиля оказался более удачным. Анна увидела, что в руку Германа воткнулась небольшая белая стрела. Он тут же выдернул ее и бросил за спину, объяснил Анне на ухо:

– Скорее всего, это снотворное. К сожалению, что-то успело в меня попасть. Возможно, очень скоро я засну, и тогда тебе придется снова взять управление на себя. Но я знаю, ты справишься. Ты – такая крутая!

Слышать такие слова о себе было очень приятно, но Анна не представляла себе, как она «возьмет управление на себя», как повезет не только свое тело, но и тело Германа: самостоятельно железного мустанга ей однозначно не укротить. Она понимала, что не справится, и слезы размазались по ее щекам.

Из левой машины видели попадание в Германа и больше не стреляли, убрали ствол внутрь. Видимо, нападавшие теперь просто ждали, когда снотворное начнет действовать и спаситель Анны, засыпая, сбавит скорость, остановится.

Но они недооценили мощностъ и волю Германа. Да, мотоцикл качнулся. Да, обернувшись, Анна увидела, что глаза Германа полузакрыты. Но только полузакрыты, а не закрыты. Мотоцикл шел не очень ровно, но все-таки только вперед и не останавливаясь. Герман стойко боролся с обрушившимся на него кошмарным сном.

А вот в правой машине дела шли явно хуже. Судя по всему, первая стрела попала в водителя. И он то ли не успел вырвать ее также быстро, как Герман, то ли просто оказался физически и морально слабее: после нескольких зигзагов правый автомобиль вдруг резко пошел влево. Герман едва успел объехать мчащуюся на него машину.

Обернувшись назад, Анна увидела ужасный пейзаж после боя. Правый автомобиль врезался в левый. Оба они въехали в бетонный разделитель полос, подскочили в воздух, развернулись в полете и, упав на дорогу, закувыркались, слившись воедино, утонули в мощной огненной вспышке и клубе дыма.

Анна восхищенно посмотрела на Германа. Тот улыбался, изо всех сил пытаясь не дать глазам закрыться:

– Вот и оторвались. – Кивнул вперед и вправо: – И это наш перекресток!

Анна не стала спрашивать, что это за перекресток. Она теперь просто молила бога, чтобы Герман не заснул, прежде чем мотоцикл остановится где-либо. Ей не хотелось так же, как преследовавшим их автомобилям, влететь в какое-нибудь препятствие и взорваться.

Герман сбавил скорость. Анна беспокойно глянула на шоссе. Поняла, что спаситель сделал это лишь для того, чтобы свернуть на перекрестке на другую, уже не такую широкую дорогу.

Они недолго проехали по новому пути. Свернули на еще одну дорогу, которая тянулась через лес. Мотоцикл стал значительно больше вилять. Анна то и дело выкручивала шею, чтобы оценить состояние Германа. Глаза спасителя теперь то закрывались напрочь, то тут же снова открывались. Взгляд Германа казался пустым, бессмысленным, и Анна все время ждала: сейчас они врежутся в эту березу, в этот тополь, в эту осину. Но Герман не сдавался, снова и снова открывая глаза, продолжал управлять мотоциклом.

Они проехали мимо нескольких домов за высокими заборами. Уперлись в какие-то ворота. Герман остановил мотоцикл и посигналил. Анна поняла, что им, наконец, удалось добраться до пункта назначения, и теперь можно будет слезть с мотоцикла и спокойно объясниться.

Ворота распахнулись. Герман медленно въехал, потом остановил и заглушил мотоцикл рядом с внушительным двухэтажным домом. Поставив железного коня на подножку, помог Анне слезть на землю.

Как только ощутила обеими ногами землю, ее так качнуло, что она наверняка бы упала, не поддержи ее под руку весьма вовремя подошедший импозантный господин во фраке с бабочкой. На вид Анна дала бы ему лет пятьдесят. Он был сухощавым, среднего роста. Шатен, на голове – жесткий ежик волос. Узкое лицо, внимательные, холодные серые глаза. Одежда его была не только очень дорогой, но и изысканной. И пах он также шикарным одеколоном.

Убедившись, что Анна нашла равновесие и крепко стоит на ногах, господин с бабочкой отошел от нее на несколько шагов и, оглядев гостью, с восхищением произнес:

– Вот ты какая в натуре!

Молоко, шоколад, шампанское

Такое начало разговора Анне понравилось. Она всегда просто таяла от комплиментов. Отец не часто ее баловал ласковыми словами, а вот будущий муж, можно сказать, и купил ее, осыпая всякими «красотками», «очаровашками» и даже «Шахерезадами». Когда они познакомились, Анна, и правда, была очень ничего – стройная, с аккуратным носиком, прямой челкой, ямками на щеках, губками бантиком. Теперь же, после того как родила Сережу и Настеньку, немного располнела. Но думала в последнее время, что надо бы заняться собой – сбросить лишний вес. Спорт ведь ей был непротивен. В колледже Анна немного занималась фехтованием и даже выступала на соревнованиях, демонстрируя реакцию и фигуру. Разумеется, собственнно в спорт возвращаться было поздно, но она вполне могла бы несколько раз в неделю ходить в близлежащий фитнес, пока дети занимаются в школе. Надо было только поговорить со все рассчитывающим мужем, чтобы тот одобрил расходы на приведение жены в порядок.

Пока Анна переваривала комплимент, господин с бабочкой почтенно кивнул:

– Всегда рад услужить твоему отцу!

Она только развела руками:

– Но... – ее отец умер три года назад от инфаркта, случившимся прямо на пахнущем лекарствами рабочем месте.

Продолжить Анна не успела. Позади ее раздался непонятный шум. Обернувшись, увидела, что его источником был Герман. Спаситель, очевидно, расслабился и, окончательно заснув стоя, рухнул на землю. Анна хотелось было броситься к нему, но господин с бабочкой остановил ее жестом:

– Не беспокойся! У нас есть кому позаботиться о доблестном Германе.

Действительно, к укротителю мотоцикла и дорог, широко раскинувшему руки и улыбающемуся в глубоком сне, тут же подбежали два крепких парня. Они подняли Германа и, взгромоздив на себя, куда-то уволокли.

Господин в бабочке снова восхитился:

– Так вот ты какая! – И тут же ужаснулся: – Но что они с тобой сделали!

Анна испуганно оглядела себя. Нет, она не была ни ранена, ни даже поцарапана. Но догадалась в чем дело: на фоне великолепного дома и господина в бабочке, Анна выглядела весьма странно в синем домашнем махровом халате и чудом оставшихся на ногах красных тапочках с белыми пушистыми помпончиками. Хорошо хоть господин не видел, что у нее под «верхней одеждой». Анна смутилась:

– Э-э...

– Ничего страшного! – успокоил ее импозантный мужчина.

Он тут же подозвал стоящих на крыльце дома двух девушек в ярких легких платьицах:

– Помогите Матильде привести себя в порядок и затем подавайте на стол – будем обедать. Но не торопитесь, все процедуры проведите должным образом. – Снова обратился к Анне: – С твоего позволения, я пока вернусь к делам. Кое-что нужно срочно уладить. Ты же знаешь, что в наших делах промедление порой смерти подобно...

И опять она успела вымолвить только:

– Но...

Господин с бабочкой уже развернулся и быстрым шагом удалился. Анна повернулась к девушкам, чтобы объяснить им: мол, никакая она не Матильда, что, видимо, произошла путаница. Однако обе девушки – рыжеволосая и мулатка – замотали головами, не желая ее слушать:

– Нам приказано помочь вам привести себя в порядок. Все остальное нас не касается. Пойдемте, пожалуйста, с нами. Если вы откажетесь, то нам попадет от хозяина...

Анне стало жалко девушек, которые могли пострадать из-за нее. К тому же она была очень даже не прочь привести себя в порядок. Халат с тапочками можно было бы и пережить, но еще она заметила, что у нее грязные руки. Потянув же воздух носом, почувствовала, что от нее пахнет асфальтом, выхлопными газами и черти-чем еще не очень приятным дорожным. Анна легко представила себе, как сейчас растрепаны и, наверно, так же не очень чисты ее волосы. Представила и согласилась:

– Хорошо, давайте немного приведем меня в порядок, но потом я все объясню...

Девушки взяли ее под руки, как будто боясь, что она поскользнется на ступеньках и разобьется хрустальной вазой, повели в дом. Все вместе они миновали просторный холл, уставленный мраморными скульптурами прекрасных обнаженных юношей и дев, а также увешенный картинами с непонятными разноцветными каракулями и загогулинами.

Рыжая девушка гордо указала в сторону картин:

– Ван Гог..., Моне..., Ренуар...

– Писсуар... – тоже взяла слово и указала на что-то мулатка.

Вышли в коридор с то ли бронзовыми, то ли золотыми подсвечниками и энергосберегающими электрическими лампочками в них. Девушки распахнули одну из попавшихся на пути дверей:

– Проходите, пожалуйста.

Они вошли в небольшую, хорошо освещенную комнату. У стены стояли столик, несколько кресел, шкафчик. С противоположной стороны в левом углу была душевая кабина, в правом – еще одна дверь.

Только теперь, остановившись, Анна хорошо разглядела сопровождающих ее девушек. Первая была примерно одного возраста с ней, но очень ухоженная и поэтому казавшаяся моложе чуть ли не на десяток лет. Отличало ее от Анны то, что девушка была выше почти на голову, имела рыжие волосы и зеленые глаза. Она чуть щурилась, как будто была близорука или скрывала нечто, таящееся в глубине коварных зрачков.

Вторая девушка – мулатка с бронзовой кожей имела карие глаза, прямые черные волосы, которые струились по плечам. Она была значительно моложе своей напарницы и, соответственно, Анны.

Рыжая указала на кресло:

– Раздевайтесь. Оставьте, пожалуйста, вашу одежду здесь. Пока вы принимаете душ, мы подготовим вам ванны, чистые белье и одежду...

Сказав это, рыжая открыла дверь в глубине комнаты и скрылась за ней вместе с мулаткой.

Анна подумала, что вполне может обойтись и без ванны, и без чужой одежды. В конце концов, ее халат не такой уж грязный – она ведь в нем не падала, не валялась по лужам да по канавам. Но вот душ для поддержания здорового духа тела ей был просто необходим. Так что Анна разделась, аккуратно сложила в стопку халат и белье, с которыми не собиралась расставаться. Вошла в душевую кабину, повернула рычажок: со всех сторон на нее брызнули десятки струек теплой воды. Дрожь блаженства пробежала по телу Анны. В этих приятных струях можно было зависнуть надолго, поэтому она поменяла режим подачи и быстро помылась под тугим снопом воды, падающей сверху.

Шампунь, гель ей не пришлось искать. Моющие средства лежали на одной из полок душевой кабины. Такие Анны видела, но ни разу не отважилась купить. Хотя ее муж зарабатывал прилично, но все же такие мыло, шампунь, бальзам и кондиционер в одном флакон были им не по карману. Она только разглядывала их на полках косметических бутиков. Сейчас проблема выбора перед ней не стояла, так что Анна с чистой совестью и от чистой души использовала дорожные мыло, шампунь, кондиционер и еще что-то непонятное в красивом тюбике с надписью на иностранном языке «eco-friendly».

Когда вышла из душевой кабины, то ни белья, ни халата не обнаружила. На их месте лежало несколько разноцветных и разнокалиберных полотенец. Анна вытерлась желтым и голубым, завернулась в большое изумрудное, сделала на голове тюрбан из розового и открыла дверь, за которой скрылись девушки.

Они ждали ее в соседней комнате, сидя в креслах и разглядывая какие-то модные журналы. На девушках теперь были только купальники. Зеленовато-голубой монокини с узенькими полосками ткани – на рыжей, и красный, практически состоящий из одних веревочек бикини, – на мулатке. В этом просторном помещении было также светло и тепло.

Увидев входящую Анну, девушки встали. Рыжая указала на три ванны, находящиеся в центре помещения на уровне пола:

– Первая – с молоком. Вторая ванна – с жидким шоколадом. Третья – с шампанским. С какой предпочитаете начать?

Услышав о предлагаемом комплексном наборе, Анна решила отложить объяснения на тему, кто она на самом деле и что здесь делает. В конце концов, ничто не мешало разобраться во всем и после таких многообещающих ванн. Только вот выбрать, с чего начать было, конечно, не так просто:

– Значит, первая – с молоком... Вторая – с шоколадом... Третья – с шампанским...

Повторив еще раз, поняла вдруг, что может поступать не так, как должно быть правильно, а так как ей хочется: девушки были готовы выполнить любой ее каприз – никто ее здесь не осудит. Поэтому приговорила:

– А давайте, как есть по порядку: молочная, шоколадная и... – вспомнив, как говорят друзья мужа про водку и пиво, приговорила, – залакируем шампанским...

Девушки согласно кивнули, подошли, сняли с нее полотенца, снова взяли под руки и помогли войти в первую ванну:

– Осторожно... Здесь три ступеньки...

Анна тихо вошла в белую теплую жидкость, ощутила ее мягкость, приятный молочный аромат. Опустившись на дно и погрузившись по самый подбородок, она почувствовала новую приятную волну, прокатившуюся по телу. Нащупав выступ, села на него и откинула голову на специальный подголовник. Не прошло и минуты, как почувствовала такое сильное расслабление, что просто вырубилась, словно Герман у мотоцикла.

Но заснула Анна лишь на несколько секунд. Встрепенулась от внезапно пришедшей в голову мысли: "Может, это и не молоко вовсе, а снотворное какое... Я же не знаю, где я и зачем". Вспомнила белую стрелу, воткнувшуюся в сильную руку своего спасителя. Глянув в сторону девушек, которые снова валялись в креслах и разглядывали журналы, зачерпнула жидкость в пригоршню и попробовала на вкус. Похоже, это, правда, было молоко – цельное.

Рыжая все-таки заметила, что Анна пробует жидкость в ванне, но истолковала это по-своему:

– Не сомневайтесь – свежее.

– Утренней дойки, – добавила мулатка, не отрываясь от журнала, – в вечерней мы сами после заката искупались...

Анна постепенно снова расслабилась и вновь почувствовала, что засыпает. Чтобы не допустить клевания носом в чужой ванне, решила покончить с таким приятным молоком – поднялась. Струйки молока потекли вниз по ее телу.

Девушки тут же вскочили и помогли ей перебраться в следующую купель. Затем они вернулись к своим креслам и журналам. Продолжили молча то ли читать, то ли разглядывать веселые картинки.

Во второй ванне содержимое было похоже на жидкую грязь. Анна с опаской вошла в скользкую субстанцию, опустилась в нее по плечи. Но пахло в ванне очень приятно, даже

несколько дурманяще. Анна снова не удержалась и попробовала на язык густую жидкость, что вновь не ускользнуло от рыжей. Та заметила:

– Темный швейцарский шоколад...

Мулатка же, не отрываясь от журнала, похвасталась:

– А позавчера мы в бельгийском купались...

Вряд ли бы Анна отличила жидкий шоколад одной страны от такого же из другого государства. Бельгийский, голландский, российский... Она бы одинаково наслаждалась любым из них, как сейчас этим швейцарским. Ей было тепло, вкусно и очень приятно на ощупь и в размышлениях о купельном разнообразии...

От шоколада ее отмывали в третьей ванне – с шампанским.

– Брют, – оповестила рыжая, – «Кристалл».

– Французское, – объяснила мулатка.

Эта третья была не просто ванна, а джакузи. Подводные газированные струи мягко били по телу с разных сторон. Кожу приятно бороздили тысячи пузырьков. Через пару минут Анне показалось, что она не просто расслабляется, а хмелеет от вкусных паров шампанского. Она начала просто тонуть в этом хмельном удовольствии. Вспомнила, как познакомилась с будущим мужем: медвежьеватым увальнем – двоюродным братом однокурсницы. Его даже звали Миша. Так и хотелось назвать его Михаил Потапыч.

Он дождался ее после занятий, повел в кафе недалеко от колледжа. Там заказал пирожные и предложил выпить по бокалу шампанского:

– За многообещающее знакомство!

Анна не отказалась, хотя до этого никогда не употребляла алкоголя вне семьи. Отец и мать давно объяснили ей: «Пить можно только с тем человеком, которому доверяешь. Который не воспользуется тем, что ты себя плохо контролируешь. Который поможет, если тебе вдруг станет плохо...»

Здоровенный будущий супруг вызывал в ней такое доверие, что Анна выпила тогда аж два бокала. И ей стало так легко, так хорошо. Они черт знает о чем весело болтали: то ли о сложностях кроя двубортного пальто, то ли о прелестях зимней рыбалки. И в кафе, а затем и в парке по соседству. Целовались. А потом ей стало плохо, и он, придерживая то за талию, то за бедра, отвел ее бледную и пошатывающуюся домой. Вручил родителям со словами: «Я люблю вашу дочь и прошу ее руки!» Утром мама, подавая дочери стакан крепкого рассола, сообщила, что они ответили: «Мы не против, но Анна должна решить все сама по трезвянке». И она решила. На многолюдной свадьбе, однако, выпила на брудершафт с Михаилом «Потапычем» лишь один бокал шампанского. Знала, что второй будет лишним и может привести к непредсказуемым последствиям...

Вот и сейчас Анна ощутила себя как после одного выпитого бокала. Отказавшись от второго, поднялась. Пузырики принялись щекотно лопаться на коже...

Когда она вышла из третьей ванны, девушки, не смотря на слабое сопротивление Анны, протерли все ее тело какими-то ароматными скрабсалфетками и уложили на мягкую кушетку, покрытую простынею с изображением орангутанистого культуриста:

– Немного придется потерпеть. Потому что там, где вы были, вы успели немного зарости...

Мулатка взяла в руки маленький электрический приборчик, щипчики и принялась делать ей эпиляцию под мышками, на ногах, внизу живота. Рыжая же принялась накладывать Анне на лицо маску:

– Авокадовая, с проростками маракуйи и вытяжкой из плаценты морской игуаны. Отлично освежает кожу на щеках, избавляет от морщин и отеков под глазами. Я себе такую каждый день делаю...

Наложив маску, рыжая перешла к маникюру и педикюру. Отдав полностью свое тело в чужие руки, Анна несколько растерялась от безработицы и чуть было опять не заснула. Но вскоре девушки привели ее в чувство, начав жестко массировать в четыре руки:

– Потерпите еще. Зато полкило сбросите зараз точно.

Анна им верила: потягивания, пощипывания, похлопывания были весьма ощутимы. Поначалу. Потому что через несколько минут она перестала что-либо чувствовать. Как будто частично отключилась: тело обитало где-то отдельно, голова осталась наедине со своими вялыми мыслями...

Закончив массаж, девушки намазали Анну каким-то кремом:

– Впитается через пятнадцать минут. Прекрасно тонизирует. А пока впитывается, мы сделаем вам новую прическу...

Рыжая нажала какую-то кнопку, и кушетка превратилась в кресло, в котором Анна теперь полулежала-полусидела и голова ее была доступна для парикмахеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.